

3000

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ
АРМИЯ ДРЕВНИХ РОБОТОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш17

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Земля-3000» основана в 2015 году

Художник — Александр Руденко

Дизайн и оформление обложки — Василий Половцев

Шакилов, Александр.

Ш17 Армия древних роботов : [фантастический роман] /
Александр Шакилов. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 352 с. — (Земля-3000).

ISBN 978-5-17-093993-0

Ядерный огонь опалил Землю, но пришельцы со звезд подарили нам шанс на выживание. Однако две расы людей — чистокровные и полукровки — уже девять веков ведут братоубийственную войну...

Потерявший человеческий облик маньяк захватил столицу княжества Мос и собирается уничтожить всех горожан. Та же участь грозит каждому на планете. Чтобы остановить убийцу, Зил, обычный леший с необычными способностями, и его друзья-менталы — некромант Траст и воительница Ларисса из клана Стальной Саранчи — вынуждены сразиться со свирепыми мутантами и обуздать древних боевых роботов. Но вот сумеют ли они победить маньяка? Враг рода человеческого нечеловечески опасен и силен. К тому же проснулось зло в Темных Землях...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093993-0

©А. Шакилов, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ПРОЛОГ

— Убей!!!

С тихим шелестом веер алых брызг опускается на землю.

Со всех сторон тебя окружают серые облезлые стены Моса. Серые-пресерые, точно мышары, что обитают в подземельях древней столицы и служат кормом для тамошних монстров. Вообще-то стены — их деревянные оставы — обмазаны глиной, обычной коричневой глиной, в которую добавляют пепел сожженных деревьев, чтобы не завелись короеды-древоточцы. Разумно, да, но как же уныло выглядят эти серые улицы! А когда пепел из наружного слоя неровными пятнами вымывают дожди и вытравливают ветер да солнце, целые кварталы будто покрываются паршой. На пятнах тут же вырастают грибы, плесень и мох. Ты не привык к такому. Ты привык к стерильной чистоте, чтоб ни пылинки!..

Другое дело — брызги крови. Вот к этому быстро привыкаешь. И кровь становится не только приятной, но и необходимой, без нее никак не достичь внутреннего спокойствия. Обычно тебя нервирует все-все-все вокруг, но стоит

пролиться алому ручью из рассеченного горла, и другому, и третьему, и вот уже целая река с жужжащими над ней полчищами мух... И ты успокаиваешься. Ты вглядываешься в эту реку, надеясь увидеть в ней плеск рыбешек с багровыми плавниками. Однажды ты создашь такую биосистему — благо у тебя предостаточно материала, а крови в ходячих хранилищах, мнящих себя людьми, хватит на целое море.

— Вперед! В атаку!!! — кричишь ты так громко, так неистово, что в горле першишт.

Кто бы знал, какое это удовольствие — вот так примитивно отдавать приказы, используя речевой аппарат, эти ненадежные голосовые связки. С детьми цветов ты беседуешь, чтобы не разучиться говорить, но тут, на центральной площади Моса, привыкшей к казням, к сожжениям заживо и милосердным повешениям, ты познал истинное удовольствие от необязательной опции, которой не лишил тебя Создатель, — от командирского голоса.

— В атаку!!! Давай!!!

И очередная сотня чистяков срывается с места. Все вооружены ножами. Пол и возраст не имеют значения. Они бегут прямо по лежащим так и эдак телам тех, кто прежде них атаковал строй их же друзей и родственников, вооруженных исключительно молотками. Вилки с ложками были два раз подряд — приелось. Атакующие бегут, оскальзываясь, по трупам со сломанными костями, белесыми нарывами, торчащими из порванной кожи. Бегут по трупам, мышцы и сухожилия которых изуродованы тебе в угоду.

И вот две группы молча сшибаются: резаные и колотые раны на тела одних дополняются глухими ударами молотков в грудные клетки и треском раскроенных от виска до переносицы черепов у других. Воистину они не ведают, что

творят. Их агрессия, их жажда убивать — это ты, это все только ты.

Но иногда ведь так хочется разделить с кем-то свою радость, и ты позволяешь им, насмерть сцепившимся в схватке, вновь стать собой. Они замирают, они трясут головами, они с ужасом смотрят на поверженные тела, на свои собственные раны, выпотрошенные животы и руки, обагренные чужой кровью. А еще они смотрят по сторонам — и видят массовку.

Сегодня ты по-особому расставил зрителей.

Захотелось, чтобы девочки встали треугольниками, а мальчики — квадратами. А что, можешь себя позволить, заслужил. И чтобы каждая геометрическая фигура с неизменными счастливыми улыбками на лицах. С широкими улыбками, если зубы целы. С едва намеченными оскалами, если с резцами проблемы. Не люди — простейшие фигуры, проще некуда. Всего-то ладошка к ладошке. Но если тебе хочется — а тебе хочется — с помощью «корней» ладошки ближайшего квадрата сжимают соседние до хруста фаланг, до сукровицы из-под ногтей. Хочется тебе, да?! — на лицах в углах квадрата расцветают улыбки. Причем улыбки искренние, а как же. Радостные! Тебя же все-все любят. И нет никакой боли в сломанных костях, всем весело и счастливо, ведь хозяин несет только добро, хозяин способен защитить от кого угодно, хозяин знает самую главную правду и подарил возлюбившим его здоровье и чуть ли не вечную жизнь!..

Ты смотришь на треугольник слева.

На рыжеволосую девчонку, в позе которой ты замечаешь... непокорность?! Это же непокорность?! От удивления твоя борода тряслася. Мошкова, кружашая над твоей

головой, сбивается с ритма и машет крылышками вразнобой. «Корни» потолще устремляются к девчонке, обхватывают юное тело, на котором только-только укоренилась бледно-зеленая поросль. Ты чувствуешь ее имя — Даринка, но ты не можешь...

— Убейте колдуна! Это все из-за него! Это все он! — Твои подданные, твои послушные куклы, почему-то не желают разделить с тобой радость их собственной гибели. Им хватает малой толики свободы, чтобы возжелать не своей, а твоей смерти, и чтобы кинуться на тебя, позабыв о схватке между собой.

В который раз уже. Всегда одно и то же! Это в природе людышек, в их генах — быть неблагодарными!

Конечно, ты можешь взять над ними контроль, — в организме каждого бунтаря тонжерра более чем достаточно — ты можешь с легкостью, не моргнув даже, подавить это крохотное восстание, лишив разума эти слабые тела, но...

Кровь тебя успокоит, только кровь.

И никакого им забвения, пусть ощущают себя. Пусть испытывают боль.

Ты убиваешь людышек одного за другим. Подобно гигантским змеям, твои «корни» опутывают их и ломают хрупкие ничтожные косточки. «Корни» с силой пробивают насеквозд их плоть и проникают в дыхательные пути, заставляя лица синеть, а конечности беспорядочно болтаться в воздухе, которого им так не хватает. Вскоре все кончено. Ты удовлетворен. Пока что удовлетворен. Ты неспешно возвращаешься в княжеский замок. Но почему-то тебя не оставляет ощущение, что ты забыл сделать что-то важное. Что-то очень-очень важное...

Но что может быть важнее дальнейшей экспансии?
Величайшему тебе уже тесно в Моце, тебя распирает на-
копленный тонжерр. Скоро ты двинешь дальше. Кий и
Тарна, ждите! Разведанные Территории падут пред тобой
на колени!..

И тогда ты утопишь их в крови.

Превратишь в одно огромное алое море.

И вместо рыбок в нем будут плавать трупы.

Зрители за твоей спиной хлопают в ладоши. Эти пре-
лестные мальчики и девочки. Твоя армия детей цветов.
И как только ты заползаешь в замок, они принимаются
растаскивать трупы своих родителей, своих бабушек и де-
душек, деток и двоюродных братьев, погибших тебе на по-
теху на главной площади столицы.

ГЛАВА 1

ТУДА, ГДЕ ВЕСНА

Мертвечиной шибало в нос издалека.

А уж стоило подъехать и, спрыгнув с зога, — чуть ногу не подвернул! — подойти ближе...

Фф-у-у! Зил поморщился и куснул обветренную губу, не почувствовав боли. Взглянув на покрытое вязью шрамов и татуировок лицо трупа, он покачал коротко стриженной головой (на висках и затылке волосы были выбриты). В заледеневших небесно-голубых глазах трупа — а еще недавно это тело было молодым берсерком из Кия — застыло недоумение: мол, как же так, почему я, мне ж еще жить да жить.

— Извини, дружище, тебе без разницы уже, а мне еще сгодится. — Зил не без труда стянул с мертвца куртку-плетенку, украшенную торчащими из нее когтями, шипами и клыками хищных животных. Когда замерзшие пальцы совсем не гнутся, попробуйте поворочать чужое тело, превратившееся в ледяную глыбу.

Дрожа, Зил надел трофей. Столь лютой зимы, как нынче, он не помнил. Мороз был такой, что влага при выдохе осыпалась кристалликами льда, и потому неудивительно,

что суккуленты плетенки, не выдержав испытания холодом, не подавали больше признаков жизни, сколько бы он, потомственный леший восемнадцати лет от роду, к ним ни обращался. Даже его особый дар не способен был воскресить куртку. В конце концов, он же не был некромантом... Ну и ладно, лишь бы защитила посиневшие и потерявшее чувствительность спину и бока от пронизывающего до костей ветра.

Не раз, не два и даже не сотню раз Зил пожалел, что свою одежду, в которой огонь и воду и радиоактивный кратер прошел, он отдал тайгеру Фелисус вместе с замотанным в нее Главным Активатором¹. Да, это было необходимо сделать. Да, иначе нельзя было поступить там, на Поле Отцов у неприступных стен Минаполиса, когда армии чистяков и полукровок сошлись в последней битве. Почему необходимо? Да потому что после падения звездолета спасителей от того, как Зил и его верные друзья распорядились бы Активатором, зависела судьба не только всего человечества, но и двух противоборствующих звездных цивилизаций.

Ветер взвыл сильнее, хотя куда уж еще... У Зила заломило в висках. Мозги давно насквозь проморозило — наверное, по весне оттают и вытекут из носа ручейками. Казалось, коснись он своих слегка оттопыренных ушей, они с хрустом отломаются от головы.

Умоляя поторопиться, зог — боевой ящер пяти мер высотой — жалобно всхрапнул. Чтобы сохранить хоть немного тепла, он поджал под себя мощные задние и крохотные передние лапы и, опустившись животом на

¹ Подробнее об этих и других событиях в романе «Пусть умрут наши враги» — первой части цикла А. Шакилова «Земля-3000».

промерзшую почву, обвил себя длинным хвостом. Прошлой ночью так похолодало, что пар дыхания замерзал, инеем забивая ноздри ящера. Так что Зилу не довелось спспать — он приятно провел время до утра, выдергивая из носа зога сосульки и следя, чтобы лед окончательно не закупорил ему дыхательные пути, иначе зверюга задохнулась бы.

— Потерпи, хвостатый, скоро я тебя подлатаю, — пробормотал Зил, взглянув на зога. — Только выберемся отсюда, только пусть начнется весна.

Оторванные два пальца на левой передней лапе зога и один его глаз леший никак не мог восстановить, но с гнойной раной на груди все было небезнадежно.

К бедру мертвеца-берсерка были привязаны ножны с внушительным тесаком, которым Зил не побрезгал воспользоваться, чтобы срезать с трупа штаны и раскромсать их на зеленые полосы. Ими он обмотал себе шею и голову, оставив открытой лишь узкую полоску для глаз. Еще он чуть разрезал правый рукав куртки, чтобы файер, обивающий своими тугими мышцами предплечье от кисти до локтя, чувствовал себя свободнее и мог дышать.

— Держи, — Зил передал тесак своему напарнику, альбиносу-говорцу Далю, чтобы тот снял для себя одежду с другого трупа.

Судя по расположению тел — а их было пять, и сидели они лицом друг к другу, — перед смертью берсерки пытались разжечь костер. Какая нелепая кончина для воинов, способных в порыве ярости сражаться, несмотря на полученные смертельные раны!.. Догадка Зила подтвердилась, когда под склоненным к земле берсерком, раздетым говорцом, обнаружились аккуратно сложенные веточки кустар-

ника и пучки сухой травы, которые тут же, стоило сдвинуть труп с места, унесло ветром.

Вдали, прорываясь сквозь свист выюги, загрохотали выстрелы, и Зилу даже показалось, что он увидел вспышки огня из стволов древнего оружия. Увы, война не закончилась сокрушительным разгромом обеих армий на Поле Отцов. После гибели князя Мора, той еще сволочи, чистокровные отступили. Их разрозненные отряды двинули обратно в Кий, Тарну и, конечно, в Мос, вотчину Мора. А полукровки, вместо того чтобы зализывать собственные раны, не преминули воспользоваться слабостью исконного врага: их передовые группы раз за разом атаковали чистяков, настигая их посреди бескрайней пустоши. Конечно, лютая зима убивала не только истинных людей. Конечно, чистяки оказывали сопротивление и храбро сражались. Но...

— Если так будет продолжаться, полукровки дойдут до Моса. — Даля беспокоили те же думы, что и лешего. Ветер безжалостно трепал его бесцветные волосы, а в радужке альбиноса содержалось так мало пигмента, что казалось, будто зрачков у него вовсе нет. И все же говорца можно было бы назвать красавчиком, если б не глубокий неровный шрам, изуродовавший его смазливое лицико. — Тебе, Зил, наверное, все равно уже, но я не хочу, чтобы это случилось, хоть и ненавижу чистокровных, хоть и желаю их полного уничтожения.

— Все равно? Мне все равно? — Леший скрестил руки на груди. Даль намекал на то, что настоящим отцом Зила был полукровка-тайгер, и не простой, а сам генерал Барес, один из управителей Минаполиса, погибший на Поле Отцов от руки князя Мора. — А ты, значит, ненавидишь

всех чистяков, да? Так почему тебя заботит судьба какой-то там девки, одной из многих шлюх в княжеском замке?! Ты ж сам говорил, что перепробовал там всех баб, включая женушек Мора, и не испытал при этом ни малейшего удовольствия?!

Когда твоя кожа и так белее молока, трудно побледнеть от гнева, но у Даля получилось.

— Не смей так о ней. Не смей! — Говорец готов был накинуться на слишком уж разговорчивого лешего, он едва сдерживался. А учитывая, что в руке у него был тесак...

— Тише, дружище,тише, — выставив перед собой ладони, Зил чуть отступил. Не потому что испугался, а потому что не желал убивать говорца, в котором еще нуждался. Но как только светлокожий союзник поможет лешему найти в Мосе маму Селену и сестру Даринку, ради спасения которых он исходил и изъездил уже чуть ли не все Разведанные Территории, так сразу их пути-дорожки разойдутся.

Был ли тому виной вой ветра, или усталость и вспыльчивость Даля отвлекли Зила, но он слишком поздно почувствовал опасность. В затылок и в спину ему ударили комья смерзшейся земли. Одновременно раздался щелчок — обычно это последний звук, услышанный тем, на кого напал ранжало, ведь в тот же миг в жертву впивается отравленный шип, торчащий из кончика сегментного, как у скорпиона, хвоста. Полуторамерного хвоста, произрастающего из облаченного в костяной панцирь, как у черепахи, тела. Тактика охоты у ранжало предельно примитивна и потому эффективна: монстр с головой зарывается в землю и, не подвижно сидя там сутками, дожидается добычу, о приближении которой узнает по колебаниям почвы. Когда расстояние между ранжало и жертвой становится достаточным

для атаки, он мощными мускулистыми лапами выталкивает себя из засады. При этом в стороны летят комья земли и пыль, как и случилось только что. И если бы ранжало не помешал сильный мороз, превративший слой земли над панцирем в крепкую корку, хоть и треснувшую под его напором, но все же ослабившую и замедлившую атаку, он разразил бы лешего шипом между лопаток. А так Зил тут же ушел в сторону, развернувшись при этом лицом к монстру. Вот в лицо-то ему и метил ранжало — прежде чем рухнуть на землю, монстр успел второй раз щелкнуть хвостом. Зил уклонился, шип чиркнул по обмоткам на щеке, но не разорвал их и не оцарапал кожу.

Извернувшись в воздухе, ранжало ловко приземлился на все шесть лап — и тотчас вновь прыгнул на Зила. На этот раз он просто не мог промазать, а Зил никак не мог уклониться. У него даже не было времени мысленно попрощаться с мамой и сестрой и попросить прощения у бати Лиха, посмертный наказ которого он так и не исполнил. Зил даже не успел смириться со своей неминуемой гибелью.

И хорошо, что не успел.

Сверкнул заточенный металл — это Даль, несмотря на скорость, воспользовался тесаком не только для того, чтобы срезать одежду с очередного трупа, но и чтобы окоротить чересчур дерзкого монстра.

Из отсеченного у основания хвоста ранжало брызнула мерзко пахнущая черная дрянь, окатив лешего. Извиваясь, будто живой, хвост упал ему под ноги, а сам ранжало, вцепившись всеми лапами, повис на новой куртке. Зил брезгливо сбросил с себя безвредного теперь хищника, и его, спешно засеменившего прочь, тут же растоптал подбежавший зог.